

Деривационный потенциал латинской лексики: диалог сквозь пространство и время (на материале новолатинских текстов в сфере медиакоммуникаций)

Derivational Potential of Latin Vocabulary: Dialogue Through Space and Time (Based on New Latin Texts in Mass Media)

DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-3-32-39

Получено: 05 февраля 2023 г. / Одобрено: 04 апреля 2023 г. / Опубликовано: 26 июня 2023 г.

Т.А. Логунов

Канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации, Кемеровский государственный университет, Россия, 650043, г. Кемерово, ул. Красная 6, ORCID ID: 0000-0003-4923-1048; ResearcherID: S-1631-2017; e-mail: tlogunov@mail.ru

T.A. Logunov

Ph.D. in Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages in Professional Communication, Assistant Professor, Kemerovo State University, 6, Krasnaya ul., Kemerovo, 650043, Russia, ORCID ID: 0000-0003-4923-1048, ResearcherID: S-1631-2017; tlogunov@mail.ru (corresponding author), e-mail: tlogunov@mail.ru

М.С. Локтева

Канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации, Кемеровский государственный университет, Россия, 650043, г. Кемерово, ул. Красная 6, ORCID ID: 0000-0002-9986-2799, e-mail: abrikol13@mail.ru

M.S. Lokteva

Ph.D. in Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages in Professional Communication, Assistant Professor, Kemerovo State University, 6, Krasnaya ul., Kemerovo, 650043, Russia, ORCID ID: 0000-0002-9986-2799, e-mail: abrikol13@mail.ru

О.А. Гизатулина

Старший преподаватель кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации, Кемеровский государственный университет, Россия, 650043, г. Кемерово, ул. Красная 6, e-mail: gizatulina1@rambler.ru

O.A. Gizatulina

Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages in Professional Communication, Kemerovo State University, 6, Krasnaya ul., Kemerovo, 650043, Russia, e-mail: gizatulina1@rambler.ru

Аннотация

Создание новостных текстов на латинском языке можно рассматривать как длительный лингвистический эксперимент. Продукт такой речевой деятельности служит источником лексических и словообразовательных инноваций, подлежащих анализу для понимания изменений, которые могут произойти в рамках «возрожденной» языковой системы, и для выявления роли системных факторов и индивидуального творчества в рамках заданного репертуара форм и норм языковой системы. Материал новолатинских текстов был сопоставлен с результатами изучения развития латинских заимствований в английском языке. Вместе с тем небольшое количество пользователей этого возрожденного языка и искусственный характер такой речевой лингвистической деятельности накладывают серьезные ограничения на выводы нашего исследования. Очевидно, что выбор лексем и введение новых терминов для обозначения современных реалий в современных новостных текстах на латыни зависят от предпочтений отдельных авторов и иногда являются произвольными. Кроме того, при разработке инноваций авторы рассматриваемых текстов неизбежно руководствуются своим родным языком. Таким образом, инновации в «новой латыни» демонстрируют некоторые черты, более характерные для современных европейских языков. Кроме того, было обнаружено, что основные тенденции развития внутри группы латинских заимствований в английском языке отличаются от тех, которые встречаются в изученной лексике новолатинских текстов.

Ключевые слова: новая латынь, новостной текст, латинские заимствования, деривация, английский язык, лексические инновации.

Abstract

Creating actual texts is a sort of a longterm linguistic experiment, whose product is a source of material, primarily, lexical and word-formational innovations, to be analyzed for understanding the developments occurring within a "revived" language system and for identifying the role of systemic factors and individual creativity within the given inventory of forms and norms of a language system. The linguistic material from new Latin texts was compared with the results development of Latin borrowings in English. At the same time the number of users of this revived language and artificial nature of the examined linguistic activity impose a critical limitation on possible conclusions. Obviously, vocabulary choice and coinage of new terms to denote modern realia in these new Latin news texts are subject to individual authors' preference and are sometimes arbitrary. Furthermore, in coining innovations the authors of texts in question are inevitably guided by their native language. As a result, the innovations in "New Latin" show some features more typical for Modern European languages, besides, the basic trends of development within the group of Latin borrowings in English were found to differ from those occurring in the examined lexicon of new Latin texts.

Keywords: new Latin text, mass media texts, Latin borrowings, derivation, language system, English, coinage.

I. Введение

Современные тексты на латыни (далее именуемые «новая латынь») являются произведениями ограниченного круга лиц, знатоков и энтузиастов классической филологии, диапазон лингвистического творчества которых очень широк и разнообразен как по жанру, так и по тематике. Однако самым интригующим фактом является то, что существует определенная сфера, которая позволяет латинскому языку функционировать вне учебных и академических приложений как средству передачи наиболее актуальной информации. В первую очередь это новостные тексты, которые освещают текущие события и публикуются на интернет-сайтах нескольких европейских СМИ. Количество авторов таких текстов очень ограничено. Настоящее исследование основано, главным образом, на материалах, представленных на порталах СМИ и академических веб-сайтах, например, на сайте финской радиостанции *Yle radio 1 (Nuntii Latini)*, доступ к которому можно было получить по адресу (в настоящее время прямая ссылка из России недоступна): <http://areena.yle.fi/1-1931339>, а также — ephemeris.alquinius.net (Эфемериды) и ряд других.

Одним из наиболее любопытных явлений в этом отношении является изобретение инноваций для обозначения современных реалий с использованием репертуара классического языка. Являясь замечательным примером актуализации потенциала языковой системы, такое творчество в рамках системы исчезнувших языков поднимает ряд вопросов в аспекте теоретической лингвистики. И если сам феномен порождения новых языковых единиц семасиологически и морфологически только подтверждает постулаты, касающиеся возможностей развития языковой системы в условиях коммуникативной потребности, то вопрос о «жизненности» этих вновь введенных единиц, их адаптации в системе и закреплении в качестве стабильных элементов инвентаря языковых единиц заставляет нас вспомнить об искусственных условиях такого лингвистического эксперимента. Таким образом, вопрос о соотношении естественного и искусственного в этом акте языкового творчества становится ключевым. Одним из аспектов при рассмотрении этого является взаимодействие индивидуального и системного векторов, т.е. свободное творчество отдельного автора и ограничения в процессе генерации новых словарных единиц.

Импульс лингвокреативности в сложившихся экстралингвистических условиях неизбежно направляется рефлексией автора-творца. Наряду с очевидными соображениями коммуникативного (ожидаемый результат — сообщение, доставленное адресату) и

семантического (результат — наиболее точный термин и значение) измерений, значительное значение в данном случае придается таким субъективно значимым характеристикам, как «престиж» и благозвучие выражения.

К такому явлению, как новая латынь, можно относиться по-разному, рассматривая его как «нестандартный формат» речевой деятельности группы энтузиастов — интеллектуальное хобби, симуляция или просто игра. В этом исследовании мы подходим к этому уникальному материалу как к своеобразному лингвистическому эксперименту, который раскрывает потенциал языка и позволяет нам сравнить развитие языка в естественных (как это были) условия и язык, который «возрожден» в результате искусственной реконструкции и имитации речевой деятельности средствами «законсервированного» материала латинского языка.

Для лингвиста это открывает возможность интересных теоретических обобщений, проверки гипотез о специфических особенностях развития различных языковых подсистем.

Разговора о латинском наследии в английском языке нельзя избежать ни в одном всеобъемлющем исследовании по истории английского языка (см., например, [6–9; 12]), ряд исследований в области исторической лексикологии посвящен именно заимствованным из латыни словам [4; 10; 11 и др.]. Учитывая значительное количество работ, посвященных особенностям проникновения, адаптации и дальнейшего развития заимствованной латинской лексики в английском языке, наблюдения по этому вопросу будут в дальнейшем изложены исключительно в обобщенном виде применительно к современному английскому языку.

Примерно с начала XIV в. латинские слова начали проникать в английский язык через перевод текстов (в первую очередь религиозных). Хорошо известно, что, когда переводчик не мог найти соответствующую единицу в существовавшем лексиконе английского, он переносил латинское слово в текст перевода в «англизированной» форме [3, с. 32]. Позже, в XV–XVI вв., это стало обычной практикой среди многих переводчиков научных текстов, а также авторов новых текстов уже на английском языке.

Именно на период Нового времени и Ренессанса XV–XVII вв. пришелся пик заимствований, когда английский словарь обогатился огромным количеством заимствований в сфере естественных и гуманитарных наук. Авторы этого времени не могли не ощутить влияние многовековой традиции средневековой латыни как языка науки [1, с. 226].

Очень важной особенностью этого широкого, но вместе с тем опосредованного потока «книжной»

лексики, было заимствование словообразовательных элементов. Словообразовательные модели как таковые, как известно, заимствуются очень редко, но такое массовое внедрение в английскую лексику единиц как непосредственно из латыни, так и из французского, привело к тому, что аффиксы в заимствованиях систематически воспринимались как отдельная морфема и четко выделялись уже в новом языковом материале [2, с. 97]. Слова часто заимствовались не изолированно, а в виде словообразовательных гнезд, «благодаря чему создавался определенный формальный порядок» для вновь заимствованных слов в языке заимствования [3, с. 33].

Таким образом, легко идентифицируемые деривационные аффиксы дали новые образования теперь с английскими корнями, так называемые гибриды: *read-able, talk-ative, false-hood, use-less, merci-ful* (латинский корень — германский суффикс); *mis-creant* (германский префикс с латинским корнем). Именно в среднеанглийский и раннеанглийский периоды в английском языке получило широкое распространение и активно разрабатывалось большинство моделей, которые сейчас являются продуктивными (подробнее см. [4]).

II. Материалы и методы

В статье рассматривается деривационное развитие латинских словарных единиц в процессе функционирования языкового материала как в новолатинском дискурсе, так и после заимствования в новоевропейских языках. Эти процессы будут проанализированы с точки зрения взаимодействия системного языкового развития и индивидуального языкового творчества. Чтобы выявить изменения, происходящие в рассматриваемой категории лексики, нам приходится прибегать к словарям, отражающим различные исторические этапы материальной и семантической «жизни» латинских корней, аффиксов и лексем. Первая отылка сделана на формы и значения в том виде, в каком они зафиксированы в словарях классической латыни (иногда с использованием материалов позднелатинского периода), в основном в *Oxford Latin Dictionary Online (OLDo)* и «Латинско-русском словаре» И.Х. Дворецкого.

Чтобы соотнести материал языков-источников в том виде, в каком он существовал до заимствования в новый язык (английский), с уже заимствованными словами / корнями в том виде, в каком они функционируют в принимающем языке, было проведено сравнение семантики и форм лексических единиц классической латыни с заимствованными единицами в английском на основе данные словарей английского языка, предоставляющих необходимую историческую информацию (дата первой регистрации,

контексты, устаревшие значения и т.д.): *Shorter Oxford English Dictionary (SOED)* и *Webster's Third New International Dictionary of English (Webster's)*. Эта процедура позволила нам проследить основные тенденции ассимиляции и развития богатого латинского наследия в современном английском языке, с акцентом на способах деривации (как словообразования, так и семантического развития). В то же время данные классических словарей латинского языка были использованы для выявления случаев семантических вариаций в новолатинском лексиконе.

Результаты могут служить ориентиром для рассмотрения изменений, происходящих в рамках новолатинского материала. Лексика для анализа была отобрана путем сплошной выборки из текстов вышеупомянутых веб-ресурсов. В тех случаях, когда значение слова или фразы в таких вновь созданных текстах было трудно определить, применялся контекстуальный анализ со ссылкой на экстралингвистические реалии. Таким образом, инновации, выявленные в новолатинской лексике, можно сравнить с продуктами развития заимствованных латинских элементов в английском языке в естественных условиях.

III. Тенденции ассимиляции и развития латинских заимствований в английском языке

В этой статье, прежде всего, основное внимание уделяется не заимствованиям в результате прямого контакта носителей, а результатам «книжного двуязычия», приводящего к осознанным процессам взаимодействия новых и классических языков. Случаи таких осознанных заимствований, заполняющих лакуны языка (в том числе стилистически, с замены лексических единиц из пластов повседневной лексики словами «престижного» классического языка), имеют особое значение, поскольку представляют собой процесс систематической категоризации знаний. Лексическая подсистема языка наиболее гибко реагирует на потребности носителей языка в выражении развивающихся концептов, причем в этом процессе задействован словообразовательный потенциал системы.

Можно предположить, что в ходе адаптации к английской лексической системе латинские заимствования сохранили бы специфические значения, поскольку эти лексемы были заимствованы для использования в определенных концептуальных областях коммуникации, тогда как самые базовые, первичные значения не были бы перенесены в новый язык. Однако это не всегда так. Нередко заимствованная единица сохраняла и развивала именно то

первичное значение, которое имело отношение к общему ядру лексики, терминологические значения из-за изменения денотации становились неактуальными (например, из-за различий в нормах римского и нового национального права, а также в связи с изменением научной картины мира). Например, латинские существительные *aequatio* и *exclusio* имели особые значения в правовой сфере: «равномерное распределение» (в отношении имущества, дохода) и «отказ в принятии претензии» соответственно. Иногда заимствовало только конкретное, материальное значение, в то время как абстрактные, существующие в латыни, оказывались неуместными для нового языка: ср. *corpulent* — ‘дородный, толстый, тучный, сало’ от лат. *corpulentus* — “1) тучный, упитанный, полный; 4) телесный, физический” или *procreate* — «порождать» от лат. *procreo* — «1) приводить к существованию; 2) производить, созидать.»

Многочисленные заимствования полностью ассимилируются английским языком, что доказывает их значительный потенциал в развитии семантики. Новые значения заимствованных латинизмов развивались как метонимически (английское *armaments* от латинского *armamentum* получило в дополнение к прежнему значению ‘оружие, вооружение’ новое значение ‘вооруженные силы’), так и метафорически (например, прилагательное *arbitrary*, основанное на значении ‘причудливый’, развило значение ‘капризный’ и «деспотичный»).

Как было отмечено выше, массовое внедрение латинской лексики в английский язык привело к обогащению последнего словообразовательными гнездами; однако состав этих гнезд часто неоднороден по непосредственному источнику лексических единиц и по времени их заимствования. Этот факт также наводит на некоторые интересные предположения.

Такая систематизация вновь заимствованных и ранее принятых элементов приводит к случаям «обратного» словообразования, когда состав ранее заимствованного (из французского) слова затем изменялся по аналогии с более поздними заимствованиями (из латыни), в таких случаях звуки, подчиненные нормам французского языка, изменялись в соответствии с латинской письменной традицией. Ср. *concentrate* ← *concenter* (← *French concentrer*).

В своем дальнейшем словообразовательном развитии в новоевропейском языке книжные (производные) заимствования из латыни демонстрируют ряд наиболее продуктивных моделей. Наш материал показывает, что чаще всего производящими выступают прилагательные и в меньшей степени существительные и глаголы, а наиболее распространенными производными (с высокой степенью регулярности)

являются 1) существительные на основе прилагательных со значением абстрактного атрибута, оканчивающегося на *-ity* элемент, который также был заимствован из латыни (существительные, оканчивающиеся на *-itas*), вероятно, через французское *-ité* (*amicability, accessibility, credibility, calculability, circularity, cordiality, criminality, perceptibility* и т.д.); 2) прилагательные, оканчивающиеся на *-ive* от латинской основы *Supinum* (*calculative, consultative, corporative, creative, incubative, participative, perceptive, recessive* и т.д.); 3) образованные от последних существительных с германской формантой *-ness*, обозначающие абстрактное качество (*concessiveness, exclusiveness, perceptiveness* и т.д., а также от прилагательных другого состава, таких как *conciseness, rebelliousness* и т.д.). Использование таких исконных суффиксов, как *-less* и *-ful*, гораздо менее регулярно (*accentless, artful* и т.д.). Кроме того, от прилагательных латинского происхождения регулярно образуются «гибридные» наречия с английским формантом *-ly*, поскольку ни суффиксы, образующие наречия, ни сами наречия на самом деле не были заимствованы из классических языков.

В новом языке естественным образом происходит процесс упрощения морфологического состава в заимствованиях, то есть дестимологизация и переосмысление словоформы и структуры. Это приводит к частичной потере мотивации и утрате основного значения, а также к семантическому развитию, не определяемому компонентами словосочетания, которые являются мотивирующими в исходном языке. Ср., в английском языке существительное *rebellion* не сохраняет значения «возобновление войны», которое было однозначно мотивировано для носителей латинского языка; глагол *to circulate* в английском языке имеет новые значения, не связанные с идеей, заложенной в префиксе (‘распространять, передавать’, т.е. идея движения в определенном направлении была утрачена во время семантического расширения).

IV. Результаты: деривационный анализ и инновации в новолатинских текстах

При обсуждении особенностей функционирования и развития латинской лексики в новых латинских текстах акцент делается на деривационных инновациях и семантических вариациях, поскольку они наглядно демонстрируют потенциал и гибкость уже существующего языкового репертуара в рамках системных норм. Поэтому вновь введенные единицы или производные от них для обозначения новых реалий будут представлять первостепенный интерес.

1) Собственно морфологическая деривация в исследуемом корпусе представлена в основном произ-

водными именными частями речи, использующими стандартные аффиксы и корни; случаи сложного словообразования относительно редки (далее ссылки на приводимые лексемы или фразы даны в концевых сносках):

interretialis, e (< *rete*) — ‘of networks, pertaining to Internet’: *scriptor est ephemeridis interretialis qua numerat narratque de rebus et naufragiis migrantium* (здесь и далее источниками примеров послужили указанные выше сайты <http://areena.yle.fi> и ephemeris.alquinius.net; к сожалению, в данный момент эти интернет-ресурсы недоступны по прямой ссылке);

locus interreticus — ‘website, online resource’: *Insidiae terroristicae in ferrivia inferna. XIV perierunt, ut a loco interretico “Fontanka.ru” refertur*;

telefonice (*t. dixit* ...) — *adv.* ‘over the phone’: *Telephonice dixit se bene valere...*;

videogramma — ‘video recording, footage, clip’: *Nuperrime videogramma L minorum divulgavit, ex quo appareret Demetrium Medwedev, primum ministrum, per rete obscurum opes publicas peregre collocasse*;

2) **составные термины** обычно используются с целью **уточнения** значения путем образования составной двухсловной единицы на основе стандартных синтаксических моделей вместо универба:

currus ferreus — вагон (в поезде метро): *Secretus pyrobolus pulveris incendiariae DC librarum in curru ferreo paratus erat*;

militia civilis — полиция;

administer (negotii ex teris) praepositus — ‘minister, secretary (of foreign affairs)’ (глава департамента правительства);

3) **лексико-семантическое развитие** (вариация) демонстрирует несколько направлений:

а) вариация в сторону **специализации** концепта:
rete obscurum — (преступная) схема, преступное сообщество, гуппировка (?);

historicus (rerum recentiorum) — обозреватель, комментатор, блоггер (?): *...diurnarius et historicus rerum recentiorum Gabriele Del Grande*;

exercitatio navalis — учения военно-морских сил;
officina, ae — предприятие, компания (из исходного значения ‘workshop’, ‘grocery’);

praefectus, i — мэр (специализация по сравнению с более общим ‘person in charge’);

Dispensator Facieslibri — редактор Facebook (дальнейшее развитие исходного значения ‘attendant’),

б) вариация в сторону **генерализации** концепта:
dux seditionis (в русском — деятель оппозиции) — лидер оппозиции (*seditio, ionis* — riot, mutiny, dissention);

procuratrix nuntiorum — новостное агентство (*procuratrix, icis* — ‘agent, manager’): *KCNA, procuratrix nuntiorum Boreocoreana, Martis die scripsit adventum navium pro*

argumento sibi esse, quanta insolentia Americani Coream Borealem aggredi vellent;

4) **лингвистическая калька** или заимствованные слова (семантическое заимствование):

symbola, ae — доля, участие (*Scriptis symbolas in actis sinistrarum partium...*) на основании семантики *Eng. to contribute* (as «to contribute a product of one’s intellectual or creative activity»);

resolutio, ionis — ‘resolution, decision’, (хотя такое значение не зафиксировано в классической латыни, оно представляется заимствованием в результате переноса из современного языка как пример обратного заимствования, см. обсуждение ниже): *Russi resolutioni Consilii Securitatis Nationum Unitarum intercesserunt...*;

identitas, atis — профиль, персональные данные (напр., в соцсетях), что в классической латыни не было отмечено в значении ‘личность’: *Inscriptionibus in identitate telegrafica (=Telegram)...*;

vis atomica — точный перевод с английского ‘nuclear power’;

automota birota — двухколесный скутер / мопед (транспортное средство), морфологическая калька, основанная на латинской синтаксической модели;

5) последняя и наименьшая группа нововведений представлена **изменением грамматических характеристик** некоторых словарных единиц, которое происходит крайне редко:

mercor — ‘trade, deal in’ (< classical Latin ‘buy’), cf. *rebus publicis popularibus ... mercarentur*. Ср. следующий конкаст: *Gubernatores suos in eo vituperaverunt, quod in ipso belli tempore cum seditiosis negotiarentur ... cum rebus publicis popularibus ... mercarentur*;

pereo — ‘to die, to be killed’ (*Militem civilem perit*) как вариация такого параметра глагола, как переходность.

V. Обсуждение: основные тенденции в создании новолатинского словаря

Приведенное ниже обсуждение основано на выявленных изменениях формы и сдвигах в значении, вероятно, выявляющих ряд тенденций субъективного характера, которым следуют авторы в рамках новолатинского корпуса.

В этом отношении стоит начать с проявления тенденции к расщеплению термина, т.е. к аналитическому развитию, характерному для многих новых языков, когда односложный термин (*univerbum*) заменяется составным именем или описательными фразами, ср. «эксперт, специалист» называется *peritus rerum* (букв. “опытный в бизнесе”). Очевидно, что в таких описательных инновациях авторы опираются на стабильные морфологические (синтаксические)

модели. Например, дисциплины начального образования в одном из текстов были описательно представлены как *disciplina, qua prima litterarum initia traduntur*, классическое латинское *trivium* в данном случае не упоминается, вероятно, из-за его нежелательной коннотативной нагрузки.

Одним из наблюдаемых способов обозначения новых реалий является сочетание неологизма и единицы «исконной» латинской лексики. Следует отметить, что атрибутивное сочетание стало наиболее распространенной моделью для построения таких описательных имен, и в таких случаях именно классическое латинское прилагательное, сохраняющее свое прямое значение, в котором оно было зафиксировано в словарях, становится гарантом референциального «успеха» всего термина, включая менее устойчивые неологизмы, ср. нововведение *autocarrum onerarium* для «грузовика, фуры» (*onerarius, a, um* ранее был зафиксирован в сочетании с *navis*). Некоторая избыточность таких сочетаний объясняется необходимостью конкретизировать референт путем добавления ссылки на его отличительные особенности и, таким образом, путем привязки его к новому, ранее не существовавшему фрагменту реальности.

Таким образом, причиной, по которой авторы новых латинских текстов часто предпочитают описательный перевод вместо использования готовых единиц классической лексики, вероятно, может быть желание максимально точно выразить содержание ограниченными средствами языка, изначально развивающегося в другой экстралингвистической реальности, что может привести читателей к сомнениям в их семантической «жизненности» и однозначной референциальной пригодности. Это обстоятельство подталкивает автора к избыточности и многословию в описании современных реалий и концепций, кроме того, требование однозначности и полноты в изложении новостей определяет выбор контекстуальных вариантов перевода с новых языков при создании нового латинского текста. Например, несмотря на уже существующие односложные термины *magistratus, us* и *officialis, e*, должностные лица обозначаются фразой *Magistratus publicus*. В репортажах о событиях в Египте, во время которых местные силовые структуры использовали тяжелую технику для расчистки площади после митингов оппозиции, автор использовал наименование *machina tractoria* вместо более краткого универба. Вероятно, автор таким образом расширил значение этого существительного, указав на различные специфические типы современных транспортных средств, используемых полицией, которые вряд ли можно назвать лексемами классической латыни.

Аналогичный механизм, по-видимому, работает, когда техника калькирования используется при избрании названий для новых вещей: при таком заимствованном переводе существительное с аналогичным значением используется для перевода основного компонента фразы с современного языка на латынь, но переосмысливается в новой реальности, при этом выбирается расширяющий атрибутивный компонент на языке перевода в его прямом значении: *caupona nocturna* — ночной клуб (где *caupona, ae* — эквивалент «таверны, постоялого двора»), *communes exercitationes bellicae* — совместные военные учения (где *exercitatio, ionis* — «упражнение, тренировка, опыт»). Следует отметить, что наряду с точным переводом заимствований (*speculatio externa* — «внешняя разведка», *cuniculus submarinus* — «канал под водой», *via serica* — «Шелковый путь») также распространены сочетания с атрибутом в родительном падеже, например, *ministerium a rebus exteris* — «внешний министр». Министерство иностранных дел (обратим внимание на специализацию значения *ministerium, i* — «служба, должность» на классической латыни).

При наименовании принципиально новых реалий авторы часто прибегают к морфологическому методу образования новых лексем по классическим моделям, что естественным образом сопровождается концептуальным переосмыслением семантики. Сборщик ягод как профессия в одном из текстов называется *deserptor* от *decerpo, decerpsi, decerptum* 3 — «1) ловить; 3) срывать; 4) жать / собирать», а курение — *fumificatio* от *fumifico* 1 — «испускать дым» [5, с. 15].

Наконец, следует проанализировать пару противоположных тенденций, которые, по мнению авторов статьи, основаны на индивидуальных предпочтениях и лингвистическом чувстве вкуса, а не на требованиях системной нормы или эффективности коммуникации.

Первый из них — это тенденция преднамеренного «состаривания» терминологии интернет-новостей, которая может возникнуть из-за желания авторов новолатинских текстов максимально дистанцироваться от новоевропейских языков, которые в значительной степени приняли латинскую общенаучную терминологию и включили в свой словарь те корни и даже целые лексемы, которые могут быть использованы для обозначения новых реалий, хотя и с неизбежными семантическими сдвигами. Вместо этого авторы, переводящие современные реалии, во многих случаях настойчиво конструируют новые термины и словосочетания вместо потенциально или даже реально существующих, тем самым отходя от современного материала в поисках альтернатив на классической латыни.

Так, в тексте, посвященном церемонии вручения национальных художественных премий, скульптура как одна из категорий называется *ars figurativa*, в то время как классический лексикон мог бы предложить ряд лексем: *sculptura, ae, ars fingendi*, учитывая, что приведенное сочетание не включено в словари.

Тем не менее случаи «модернизации», сближения лексики новых латинских текстов и современных языков также нередки. При составлении латинского текста авторы используют лексемы с корнями, которые когда-то были заимствованы в современные языки, семантически развивались в нем, но все еще близки по смыслу (и по форме) к словам современного языка: *periodicum, i* в значении «журнал», *interrogantus, i* — журналист, который берет интервью, *nuntium electronicum* — электронный информационный бюллетень / журнал, *usurpator, is* — пользователь (компьютера), *nuclearius, a, um* — ядерный (об оружии, безопасности, отходах и т.д.). Этот семантический сдвиг в выборе имени на основе элементов, сходных с теми, которые знакомы носителям английского языка (хотя семантически немного отличающихся), безусловно, произволен и зависит от контекста. Во многих случаях это вызвано довольно небольшим количеством контекстов, низкой частотой и воспроизводимостью, учитывая минимальное количество авторов и «пользователей» текстов, ср. *bellator, oris* — боевик, головорез (на классической латыни — ‘солдат, воин’) в следующем контексте: *Ordo bellatorum в Columbia clandestinorum nomine Fare ducem suum amisit.*

В некоторых отношениях можно выделить тенденцию заимствования в «обратном» направлении — из новых языков в новую латынь, или обратное заимствование: в ходе такого процесса элементы, заимствованные когда-то из классической или поздней латыни, попадают в новоевропейские языки или являются продуктом исторического развития. Латинский материал из романских языков используется в новолатинском тексте как единицы латинской лексики, сформированные в соответствии со структурными нормами латыни и включенные в синтагматические отношения. Например, словосочетание «служба безопасности» — *procuratoria securitatis* (ср., *Nationales Securitatis Procuratoria Americanorum (NSA)*) создано из существительного и прилагательного с латинскими корнями и словообразовательными элементами (*procurator-*), которые в таком сочетании функционируют, например, в современном португальском языке.

Если приведенные выше примеры, основанные на таких международных основах, максимально приближают классический текст к современному языку, что облегчает восприятие новостей на латыни, то в некоторых других случаях трудно найти объяснение

такому расширению словаря в дополнение к устоявшейся и более чем достаточной классической лексике. Так, в тексте новостей, сообщающих о пожарах в окрестностях Сан-Франциско, кварталы названы *circumiectus*, а пожарные — *vigiles*. Учитывая, что автором этих текстов является одно и то же лицо, можно предположить, что решающим фактором здесь является языковая личность с ее индивидуальными предпочтениями, языковым вкусом и субъективностью подбора лексики. Более того, реализация этих предпочтений и осуществление выбора, вероятно, не случайны и подчинены определенным стратегиям речевого поведения, авторской самопрезентации и т.д. Определение и описание таких стратегий требует дальнейших исследований на текстовом уровне.

VI. Заключение

При определенном допущении (с учетом искусственных условий появления, произвольности мотивации и т.д.) новшества, созданные в новолатинском тексте, имеют право на признание пусть и не в качестве факта языка, а как факт речевой деятельности, поскольку они созданы в соответствии со всеми нормами и условиями развития языковой системы: в них используются некогда продуктивные стандартные словообразовательные модели наряду с корнями, основами и деривационными морфемами, актуальными в современных европейских языках, они построены на основе системных синтаксических отношений и, самое главное, являются результатом реальной, хотя и симулированной, коммуникативной потребности в слове для обозначения вещи.

Суммируя наблюдения за особенностями таких современных латинских инноваций, контрастирующих с процессами, участвующими в развитии латинских заимствований в английском языке, можно выделить ряд тенденций. Развивая вновь заимствованные элементы, английский язык пошел по пути как семантической деривации, так и морфемных образований (используя многочисленные заимствованные деривационные элементы латинского происхождения, иногда в сочетании с исконно германскими), тогда как в новой латыни авторы реже прибегают к словообразованию как методу создания новых номинаций, предпочитая контекстуальные неологизмы, а также к многословным терминам (фразам), демонстрируя определенную тенденцию к анализу в именовании реалий, следуя, таким образом, аналогичным образцам в неороманском и германском языках. В то же время создатели нового латинского текста склонны воздерживаться от серьезных инноваций в уже сложившейся структуре латинского слова, вероятно, из-за того, что латынь в этом отношении предлагает чрезвычайно богатый

потенциал своего репертуара деривационных элементов и гибкость синтетического языка. Это сопротивление значительным деривационным инновациям, по-видимому, вызвано богатым словарным запасом классического латинского языка с развитыми деривационными гнездами и огромным количеством уже существующих дериватов, которые имеются в распоряжении любого, кто хочет создать текст на латыни.

Однако такие обобщения могут быть сделаны с определенными ограничениями, связанными с а) объективно скудной выборкой (небольшим ко-

личеством самого материала Нового латинского «корпуса») и б) «идиолектическим» характером этого материала, поскольку он является продуктом языкового творчества очень ограниченного круга лиц, которые, с одной стороны, демонстрируют свои индивидуальные предпочтения (ср. вариации в упоминании города Санкт-Петербург и должности Президента России — *Petropolis / Petrogradum, praeses Russi / Sarmaticus*), но, с другой стороны, довольно однородны по своей социолингвистической характеристике, в отличие от пользователей живого языка.

Литература

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка [Текст] / И.В. Арнольд. — 2-е изд., перераб. — М.: ФЛИНТА, 2012. — 376 с.
2. Базылев В.Н. Перераспределение переводов в семиосфере [Текст] / В.Н. Базылев // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — 2001. — № 2. — С. 75–79.
3. Иванова И.П. История английского языка [Текст] / Иванова И.П., Беляева Т.М., Чахоян Л.П.. — СПб.: Лань, 1999. 156, [3] с.
4. Логунов Т.А. Деривационное развитие латинских заимствований в английском языке [Текст] / Т.А. Логунов // Актуальные проблемы современного словообразования: материалы международной научной конференции / Администрация Кемеровской обл., Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Кемеровский гос. ун-т»; под общ. ред. Л.А. Араевой. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. — С. 83–89.
5. Филиппева Е.Ф. Интернет-новости на латинском языке [Текст] / Е.Ф. Филиппева, Л.И. Юрьева. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. — 98 с.
6. Расторгуева Т.А. История английского языка [Текст] / Т.А. Расторгуева. — 2-е изд., стер. — М.: АСТ, 2003. — 347 с.
7. Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX–XV вв. [Текст] / В.Н. Ярцева. — М.: Наука, 1985. — 247 с.
8. Jackson H., Ze Amvela E. Words, Meaning and Vocabulary: An Introduction to Modern English Lexicology. London, Continuum International Publishing Group, 2002. 260 p.
9. Katamba F. English Words: Structure, History, Usage. Abingdon, Routledge, 2004. 352 p.
10. Kuthe D. Latin Loanwords in English, Munich, GRIN Verlag, 2007. 359 p.
11. Loewenthal M. The Latin Heart of English: English Vocabulary Practice Volume 1, Liondale Publications, 2008. 144 p.
12. Stockwell R.P., Minkova D. English words: history and structure, Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 231 p.
13. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь: около 50 000 слов [Текст] / И.Х. Дворецкий. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 2002. — 843, [2] с.
14. SOED — The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford, Oxford Univ., in 2 vols., 1973, 1975. Vol. 1–2.
15. Webster's — Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Chicago, 1993. Vol. I–III.
16. OLDo — The Oxford Latin Dictionary Online — Oxford Scholarly Editions Online: Электронный ресурс. — URL: <http://www.oxfordscholarlyeditions.com/page/the-oxford-latin-dictionary> (дата обращения: 09.11.2022).
17. Ephemeris — News texts in Latin: электронный ресурс. URL: <http://ephemeris.alquinius.net> (дата обращения: 01.11.2021).
18. Nuntii Latini — News texts in Latin: электронный ресурс. URL: <http://areena.yle.fi/1-1931339> (дата обращения: 01.11.2021).

References

1. Arnol'd I.V. Leksikologiya sovremennogo anglijskogoazyka [Lexicology of Modern English]. M.: FLINTA Publ., 2012, 376 p. [in Russian]
2. Bazylev V.N. Pereraspredelenie perevodov v semiosfere. Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Proceedings of Voronezh State Univ. Series Linguistics and Intercultural Communication], 2001, No. 2. Pp. 75–77. [in Russian]
3. Ivanova I.P., Belyaeva T.M., Chakhoyan L.P. Istoriya anglijskogoazyka [History of the English Language]. SPb: Lan' Publ., 1999. 156 p. [in Russian]
4. Logunov T.A. Derivational development of Latin borrowing in English. Aktual'nyye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Topical Issues of Modern Studies in Word-Formation. Proceedings of International Scientific Conference]. Ed. L.A. Araeva. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2008. Pp. 83–89. [in Russian]
5. Filip'eva E.F., Yur'eva L.I. Internet-novosti na latinskomazyke [Internet-news in Latin]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2005. 98 p. [in Russian]
6. Rastorgueva T.A. Istoriya anglijskogoazyka [History of the English Language]. M.: OOO "Izdatel'stvo AST" Publ., 2003. 347 p. [in Russian]
7. Yartseva V.N. Istoriya anglijskogo literaturnogoazyka IX–XV vv. [History of the Standard English Language of 9th–15th Centuries]. Moskva: Nauka Publ., 1985. 247 p. [in Russian]
8. Jackson H. and Ze Amvela E. Words, Meaning and Vocabulary: An Introduction to Modern English Lexicology. London: Continuum International Publishing Group, 2002, 260 p.
9. Katamba F. English Words: Structure, History, Usage. Abingdon: Routledge, 2004. 352 p.
10. Kuthe D. Latin Loanwords in English. Munich: GRIN Verlag, 2007. 359 p.
11. Loewenthal M. The Latin Heart of English: English Vocabulary Practice. Vol. 1. M.: Liondale Publications, 2008. 144 p.
12. Stockwell R.P. and Minkova D. English words: history and structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 231 p.
13. Dvoretzky I.Kh. Latinsko-russkiy slovar [Latin-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazik Publ., 2002. 843 p.
14. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford, Oxford Univ., in 2 vols, 1973. Vols. 1–2.
15. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Chicago, 1993. Vol. I–III.
16. Oxford Scholarly Editions Online (2011). URL: <http://www.oxfordscholarlyeditions.com/page/the-oxford-latin-dictionary> (accessed 09 November 2022).
17. Ephemerides. News texts in Latin (2001). URL: <http://ephemeris.alquinius.net> (accessed 11 January 2022).
18. Nuntii Latini. Finnish Radio. News texts in Latin (2001). URL: <http://areena.yle.fi/1-1931339> (accessed 11 January 2022).